

Павла: "как написано: придет от Сиона Избавитель, и отвертит нечестие от Иаково" (К римлянам 11:26).

В.В.ЯКОВЛЕВ

ЗНАМЕНА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛЕТОПИСЯХ(ОПЫТ АНТИДЕСТРУКТИВНОГО ОПИСАНИЯ)

В отечественной и зарубежной медиевистике нет специальных исследований, посвященных письменной традиции сообщений о предзнаменованиях, свойственных раннесредневековому западно-европейскому летописанию. Почему-то считается само собой разумеющимся молчаливо соглашаться с предопределенностью присутствия знамений в исторических сочинениях как неизбежного следствия либо господства шаблонных форм морально-назидательной истории (1), либо пережитков архаического (иначе – языческого) мировосприятия (2). Даже Л.П. Карсавин, казался бы, подведший знамения к одной из ипостасей средневекового символизма, всё равно, наряду с верой в приметы, считал их его "вульгарным выражением" (3). Приблизительно так же (как суеверия) охарактеризовала знамения некоторых древнерусских летописей И.И. Макеева. Не пытаясь ещё как-либо экстраполировать на западноевропейские условия сформулированные И.И. Макеевой выводы, нужно признать, что она впервые взялась рассуждать и о функции знамений, совпадающей для неё с гаданьем, выбором между долей и недолей, счастьем и несчастьем, и, одновременно, о включённости знамений в "круг представлений о судьбе", где им отведено место "элементов низших уровней" (4).

Необходимость же целенаправленного изучения знамений в "Истории франков" Григория Турского (5) и "Истории лангобардов" Павла Диакона (6) продиктована не только такими проблемами в историографии, но ещё и явными систематичностью и частотой, с какими названные авторы упоминали предзнаменования в своих трудах. Если систематичность не сопровождать комментарием о развёртывании в ней "ритма и атмосферы Библии" (7), то проблема

знамений может приобрести в развитии позитивный алгоритм решения, перерастая при этом в проблему значения знамений. Трансформация проблемы позволяет и расширить круг перспективной литературы, в которой тематически будут лидировать символизм или знаковость. В связи с этим, возникает следующая трудность, находящая проявление в конечности моделирующих возможностей концепций средневекового символизма, выработанных, например, П.М. Бицилли и А.Я. Гуревичем. Безусловно, если бы мы были уверены, что значения предзнаменований как знаковых или символических образований следует искать исключительно в сфере новозаветной, библейской вообще, либо житийной семантики, то вопрос о принятии идеи тотальной символизации (8) не выносился бы на обсуждение, как и не оспаривалась бы идея вероятного воплощения в знамениях неких знаков сакральной истории(9).

Очевидная недостаточность (даже в чисто терминологическом плане) исторического и культурологического анализов должна быть компенсирована привлечением теоретических и экспериментальных разработок семиотики, точнее её направления, известного под названием "тартуско-московская семиотическая школа". Заявленная нами задача антидеструктивного описания знамений напрямую соприкасается с проблемой значений знамений, выходящей за значения во "вторичных моделирующих системах", изучавшихся представителями школы. И "Истории", в силу принадлежности к иной временной и культурной реальности, тоже обладают пока невыявленным содержанием – вторичной (по причине "культурности") моделирующей системой(10).

Помимо всего прочего, при рассмотрении знамений как неких знаков первостепенную важность приобретают вопросы максимального уточнения степени сложности идентифицируемых знаковых образов знамений к той или иной культуре, цивилизационной, религиозной парадигматике. Поэтому, своеобразные нормы колебания рядов структурной сложности знаков, принятые семиологами, нуждаются в скорейшей адаптации к методике анализа условий проявления знаковости знамений.

Видимо, описание предзнаменования ещё до всякой "внутренней знаковости" выступает как знак по отношению к остальному

повествованию. Развёртывание плана “внутренней” знаковости знамений неизбежно складывается во взаимодействии так называемых означасмого и означающего, свободно различаемых и в знамении. Означасмое предзнаменования почти никогда не нуждается в расшифровке и разгадывании. Предзаданное обычно в авторском денотате – объяснении смысла знамений, оно (означасмое) так и сливается с ним. Главную сигнификативную нагрузку принимает на себя означающее, однако об этом мы можем лишь догадываться, так как интерпретация знаков означающего выходит за пределы тематики настоящей работы.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о степени сложности знаков знамений (имея в виду непроинтерпретированные означающие), уместнее определить их как индексы (главное свойство индекса – указывать), осозная необходимость проверки знаковых образов знамений на предмет соответствия иконическим знакам и символам (11).

По всей вероятности, препятствием научному изучению знамений была боязнь учёных стать в тот же ряд с толкователями сновидений, различными гадателями и предсказателями, имеющих предметом своей деятельности интерпретацию всевозможных “знаков”, чудес и т.д. Сейчас эти опасения недостаточно основательны, ведь мы обращены не к современности, где явления такого рода уже попросту полностью утратили своё культурное значение и стали практически неузнаваемы для неэкзальтированных индивидов, а к эпохе, где “знаменательное” и “чудесное” воспринимались практически всем обществом как феномены, могущие управлять поведением человека и влиять на принятие решения. Вообще же, свойство знамений – означать что-либо ещё нуждается в основательной проверке. Подбор методик изучения предзнаменований в конечном итоге фокусируется в плоскостях интерпретации и так называемой “перекодировки”. В настоящий момент прямая интерпретация совершенно неприменима постольку, поскольку не учитывает всей сложности и всего многообразия отношений, фиксируемых во взаимодействии текста и знамений. Интерпретация, нуждающаяся в достаточно искусственных условиях приведения означасмого и означающего значения к условно единому смысловому пространству невозможна без процедуры

объяснения функционирования предзнаменований в текстах анализируемых источников.

Речь пока не идёт о стремлении полностью определиться в отношении описания всех способов включённости знамений в тексты раннесредневековых “Историй”. Сейчас с большой долей уверенности можно говорить о том, что изучение знаковой природы знамений должно вестись не только в срезе иерархии сакрального и профанного, ибо в этом случае “конвенциональная знаковость” (12) превратится в единственно возможный вид обобщения свойств системы образов и знаков предзнаменований. Подобному неполному синтезу мы бы противопоставили иное решение проблемы места знамений в рассматриваемых источниках, позволяющее кроме указанной иерархии узнавать некую иерархию непосредственно в самой вписанности предзнаменований в обычное повествование и определить начальным этапом научного объяснения присутствия знамений в качестве неперменного компонента летописания в раннее средневековье проведение “перекодировки”, возможной в противопоставлении “свободного” текста (без знамений) “вставкам” со знамениями как “двух различных цепочек-структур” (13).

Как и следовало бы ожидать, план содержания знамений шире плана выражения. Однако, едва ли так естественно относить ожидаемое “расширение” исключительно на счёт вступающих в действие процессов символизации и аллегоризации, наиболее известных в средневековой литературе. Характеризуя отношения между предзнаменованиями и “обычным повествованием” критериями пространственно-временной (сакральное – профанное) и внутритекстовой иерархичности, мы не обнаруживаем другого необходимого условия нормального функционирования символов – естественной связи означасмого и означающего (14). С другой стороны, судить о какой-либо аллегоричности знамений нам не позволяет уже произвольность всё тех же означасмых и означающих: это фундаментальное качество модели аллегии (15) здесь затемнено по причине неопределённости смыслового вектора аллегорической символизации.

Значения знамений не исчерпываются авторским толкованием. Несмотря на это, всякая инициатива начинать анализ “достраиванием” значений знамений будет ошибочной вследствие нарушения

семантической целостности непосредственно текста исследования: сейчас знамения в принципе непонятны ни как текст, ни как метатекст (несущий культурную, знаковую, по преимуществу, нагрузку). С позиций современного историка, они останутся воплощением деструктивирующих повествование функций до тех пор, пока не окажутся переведёнными в текст, буквально – перекодированными.

Предзнаменования дифференцированы от остальной части повествования наподобие “семантически различных элементов” (16). Реальная же перекодировка знамений по семантическому уровню обеспечивается разведением означаемого и означающего в противоположные семантические ряды (при обязательном условии воплощения означаемого в авторском денотате). Основанием для выделения значений знамений с прагматическим уровнем перекодировки может послужить предположение В.М. Мейзерского, что перенос текста “из одной культурной традиции в другую” (17) способен повлиять на интерпретант (то есть, собственно, на значение), заставить его раскрыться в “новом” семантическом коде, совершенно закрытом в конкретно-исторических условиях VI-VIII вв. и открывшимся сейчас. Развивая эту мысль, думается, вполне справедливо истолковывать денотат, предлагаемый исследователем, в качестве нового текста и “стилистически различного повествования об одном и том же объекте”, являющегося неременной чертой прагматической перекодировки (18).

В “Истории франков” Григория Турского отчётливая идентификация знамений по семантическому уровню перекодировки происходит в девяти случаях. Турский денотировал следующие значения предзнаменований: приближение чумы (IV,31; VI,14; X,23); оповещение о море (от эпидемии дизентерии) (V,33; VI,34); сигнализация наступающей эпидемии (не уточнено какой) (V,41); ожидание “бедствий в народе” (VI,44); предзнаменование, воплощенное в “поломке повозки” (VI,45); “возвещение гибели Гундовальда” (VII,11); предсказание “смерти короля или бедствий страны” (IX,5). Совершенно закономерно повышенный интерес к себе пробуждают знамения с совпадающим значением. Существенной особенностью предзнаменований, описанных Григорием Турским правильно называть их несинхронизированную знаковую, выражающуюся в рядоположении авторскому денотату (означаемому)

не одного, а сразу нескольких знаков (означающих). Например, в знамении со значением приближения чумы (IV,31) самостоятельно сосуществуют сразу пять знаков (в принципе, приравняемые к полноценным знамениям). В следующих двух предзнаменованиях с таким же значением (VI,14; X,23) свободно различаются шесть и семь знаков, соответственно. Количественная десинхронизация сопровождается ещё и качественной, так как знаки одного и того же означаемого (в трёх названных примерах) далеко не идентичны друг другу. Нет смысла игнорировать схожие пары знаков: звезда-комета “с хвостом, похожим на меч” (IV,31) – звезда-комета, “окружённая чернотой” (VI,14); “гылало небо” (IV,31) – “запылало небо” (VI,14); молния и гром (VI,14) – гром осенью (X,23); дожди в январе (VI,14) – проливные дожди (X,23). Однако, во всех трёх эпизодах даны образчики знаков и совсем не “универсальных”, приводимых вместе с означенным денотатом единожды. К этим непарным знакам относятся: “утроенное и учетверённое сияние вокруг солнца” (IV,31); “затемнение” солнца (*ibidem*); жаворонки, залетевшие в клермонскую церковь и базилику блаженного Андрея (*ibidem*); цветение деревьев (видимо, в январе) (VI,14); в области Парижа в трёх местах из облака пролилась кровь (*ibidem*); кровью были забрызганы стены дома одного из жителей области Санлиса (*ibidem*); ночью по небу пролетали огненные шары (X,23); землетрясение (*ibidem*); прибыла вода (*ibidem*). Несводимость авторского денотата предзнаменования к какому-то общему интерпретанту (в виде означающего или означающих) подтверждается в подобной ситуации анализа знамений со значениями ожидания “бедствий в народе” (VI,44) и предсказания “смерти короля или бедствий страны” (IX,5). Здесь, вообще, всего две пары сочетающихся знаков и теперь сходными выступают только образы, а не образы и ситуации, в которых они оказывались, как было прежде. Без труда объединяются: цветение роз в январе (VI,44) – “зацвели деревья” (IX,5) и “замёрзли виноградники” (VI,44) – “на виноградниках появились уродливые плоды” (IX,5). Оставшиеся знаки причисляются нами к непарным: разноцветный круг вокруг солнца (VI,44); буря и засуха (*ibidem*); мор скота (*ibidem*); вспыхнули лучи со стороны севера (IX,5); из облака выскользнули две змеи (*ibidem*); исчезла вилла с хижинами и людьми (*ibidem*); маленькие урожаи (*ibidem*); непрерывные дожди (*ibidem*); повышение уровня воды в реках (*ibidem*).

Семантический способ перекодировки свойственен и для, практически, большей части знамений, встречающихся на страницах “Истории лангобардов” Павла Диакона. Лангобардский летописец предпочитал не использовать термин “предзнаменование” и иногда говорил о произошедших загадочных событиях как о “знаках” (*de signis* (II,4); *de signo* (IV,15)), либо же совсем не отмечал явно “знаменательный” характер сообщаемых известий. Всего у Павла Диакона распознаются с применением семантической перекодировки восемь предзнаменований, а именно: знамения со значением “знаков чумы и смертности” (“*De signis pestilentiae et mortalitate...*” (II,4)); смерти епископа Иоанна и герцога Эвина (IV,10); войны франков между собой (IV,15); приближения кометы (IV,32); скорого пришествия чумы (V,31); несчастья (III,24); предстоящего извержения вулкана Бебии (VI,9); неудачного правления короля Лиутпранда (VI,55). В отличие от Григория Турского, Павлу Диакону было свойственно до минимума сокращать число знаков в означаемом: их обычно не больше двух. Кроме того, в “Истории франков” и в “Истории лангобардов” разнятся формы выражения авторского денотата. Если в первой версия означаемого обычно завершает рассказ о знамениях, то во второй значение предзадается преимущественно названием главы. Так постулируется денотат в уже упомянутой книге II,4 и ещё в книге IV,15: “О знаке крови и войне франков между собой” (“*De signo sanguineo in caelo et bello inter se Francorum*”). Этим же путём идет фиксация значений предзнаменований в книгах IV,10 и VI,9. Меньшее, чем в знамениях “Истории франков” число знаков должно свидетельствовать, скорее, не о снижении интенсивности восприятия всего предвещающего, “ознаменовывающего” что-либо, а об изменении специфики и направленности оповещательного процесса предзнаменований. Павел Диакон в противовес Григорию Турскому интересовался знамениями легендарного типа (19), в которых связный рассказ преобладал над простым перечислением предзнаменований. Достаточно вспомнить знамение со значением неудачного правления короля Лиутпранда (VI,55), где мы встречаемся с уникальным означаемым – “*suculus avis*” – “вещая птица кукушка”, или, если транслировать каждое слово – “кукушка-предзнаменование”. В этом знамении важной становится не просто сама его “являемость”, но являемость, превращённая в действие, вернее, в разгадывание действия,

происходящего с участием кукушки и расценивавшегося поданным знаком (*est significari*) неудачного (*inutilem*) правления (*ibid.*).

Знамения прагматического уровня перекодировки в обеих “Историях” по численности почти приближаются к половине от знамений, перекодированных семантически. Специальная объективизация прагматического способа перекодирования предзнаменований просто необходима и, может быть, только она создаёт удовлетворительные условия антидеструктивного описания знамений в рамках нашего исследования. Текст, подставляемый вместо авторского денотата, есть инвариант или первообраз незнакового повествования, претендующий на то, чтобы его действительно отличающаяся от оригинального изложения стилистика считалась равной ей. Так или иначе, мы всего лишь ищем приемлемое означаемое и не пытаемся давать интерпретацию знамениям, сопровождавшуюся бы в данной ситуации введением структурного анализа знаков-означающих на предмет их принадлежности к архаической, варварской, христианской и т. п. знаковой парадигматике. Главное в конструировании денотата – смягчить произвольность знамения и избежать версий, никак не подтверждаемых по тексту. С учётом этих замечаний, в “Истории франков” целесообразно приобщить к разряду знамений прагматического уровня перекодировки предзнаменования со следующими привнесёнными значениями: “совпадения” (VII,4); праздничной иерофании (V,23); наступающего наводнения (VI,25); и два знамения с привнесённым значением “знамений текущего года” (VI,21; VIII,8). Наиболее содержательными в списке являются, по порядку, первое и второе значения. “Совпадение” равно некоторому попаданию в ритм, фонированный в одновременности произнесённых фраз: диакона, читавшего Евангелие и вестника, сказавших вместе: “У тебя родился сын”. Только вестник говорил о появлении на свет Хильдеберта, важные моменты жизни которого были связаны с христианскими праздниками: крещение он принял в день пятидесятницы и возведён в короли в день рождества (VIII,4). Другому знамению с привнесённым значением “праздничной иерофании” должны соответствовать не все шесть означаемых, почему-то размещённых Григорием Турским совместно, а исключительно первое, отображённое в знаке “звезды посередине луны” и названное “великим

знаменем" (V,23). Оставшиеся пять знаков вполне могут пополнить список предзнаменований с привнесённым значением "знаменей текущего года".

Знамения "Истории лангобардов" также допускают применение к себе прагматической перекодировки. Здесь перекодирование сконцентрировано во вполне конкретных смысловых нагрузках, в нём просвечивает динамика, действие (как субстрат свёртывания – разворачивания предсказывающих качеств предзнаменования), просматривающиеся и в знаменях "Истории лангобардов", определённых семантическим уровнем перекодировки. По прагматическому уровню у Павла Диакона перекодируются три предзнаменования с привнесёнными значениями "надлежащего выбора" (I,26); "перемен" (IV,33) и "начала" (имеется в виду начало завоевания Италии лангобардами) (II,5). Причём, формально (по названию) из этих трёх знаменем можно считать лишь последнее, так как его означаемое заключено в неких "страшных знаках" ("terribilia signa"), явившихся возле границ Италии перед вторжением в неё лангобардов (ibid.). Считать знаменем рассказ о двух ангелах в образе юношей, указавших сомневавшемуся святому Бенедикту дорогу на Монте-Кассино (I,26), нам позволяет факт "являемости" ангелов, снимающий дуалистичность сложившейся ситуации и стимулирующий выбор. "Знаменательность" же пробегающего по небу столпа кометы (stella cometis) (IV,33) вызвана на наш взгляд тем, что как раз вокруг этого описания сосредотачивается напоминание о чреде часто сменяющихся патриархов г. Градо, а затем, после него, выстраивается резюмирующая фраза о патриаршестве Епифания, со времён которого было принято избирать двух патриархов (видимо, отдельно для городов Градо и Аквидеи, расположенных рядом) (ibid.).

Не уподобляя конечной знаковую (то есть индексную) форму существования знаменей в рассматриваемых источниках, можно попытаться решить проблему значения хотя бы некоторых образов знаменей в символическом ключе. К этому располагают те случаи, когда автор, помимо центрального денотата, помещаемого обычно в подзаголовке части книги, либо в преднамеренной оговорке внутри части предлагал дополнительное значение упоминаемых предзнаменований. Так, у Павла Диакона в знаменей со значением несчастья, фиксируемом семантическим способом перекодировки,

сначала фигурирует одна прямая связь между означаемым – несчастьем-наводнением и означающим – знаком, роль которого в тексте "Истории лангобардов" выполняет сообщение о проплывших по руслу Тибра множестве пресмыкающихся (III,24). Однако, тут же Павел Диакон предупредил: "Немедленно после этого наводнения последовала тяжелейшая чума" (ibid.). К поиску нового знака-интерпретанта и непризнанию автоматического переноса смысла уже имеющегося значения – "несчастья" на вновь образуемый денотат исследователя подталкивает достаточно чёткое указание о единичности самого "несчастья" ("...de clade quae tunc Romae facta est") (ibid.). Вероятно, в данном случае уже невозможно ограничиться приёмами построения чисто знакового образа. Но и для того, чтобы начать пользоваться схемой В.М. Мейзерского, вписывающей формирование символа в процесс "перевода знака с помощью другого знака"(20), следует сконцентрировать внимание на текстовой знаковости знаменей, опережающей при перекодировке по важности иные типы знаковости. В контексте вышеизложенного, знаком становится наводнение и, будучи совмещённым с авторским денотатом-знаком, разрушает смысл последнего, становясь символом чумы.

Тем не менее, наличие двух или нескольких авторских (либо привнесённых) денотатов вовсе не обязательно ведёт к образованию символов из знаковых образов знаменей. В этой связи особенно любопытными для анализа представляются случаи сопересечения значений знаменей, относящихся к семантическому и прагматическому уровням перекодировки, но неизбежно рассматривающихся вместе ввиду их сюжетного единства. Когда, например, знаки знаменей семантического уровня со значением предсказания чумы и смертности, к которым относятся: 1) "signacula" – знаки креста и 2) звуки трубы и ошутимого гула (II,4), сочетать не только с уже обозначенным авторским денотатом, а ещё и с напоминанием Павла Диакона о том, что: "...жизнь государя Юстиниана близилась к концу..." (ibid.), придав этому последнему смысл прагматического перекодирования, производимого со слов лангобардского историка, попытка увидеть некий символ в деструкции знаков-денотатов друг другом не увенчается успехом. Деструкции и возникновению символического интерпретанта препятствует

однословная трактовка авторского денотата данного знамения, на языке оригинала выглядящая так: "Dt signis pestilentiae et mortalitate quae tempore Narsetis Italiam vastavit" ("О знаках чумы и смертности, которая во времена Нарзеса Италию опустошила"). В результате чего разбираемому денотату по названию нет смыслового двойника подобно знаку значения несчастья – наводнения, перевод пары элементов которого друг в друга и приводил к созданию символа в предыдущем случае. А это обстоятельство побуждает исследователя искать более удачные способы объяснения присутствия в нашем эпизоде значения приближения к концу жизни государя Юстиниана, явно не поддерживаемого ни одним из знаков. Думается, что в "Истории лангобардов" присутствует сразу несколько подобного рода значений. К примеру, очень напоминает сложившуюся ситуацию возникновение в знаменнии со значением смерти епископа Иоанна и герцога Эвина некоего "отраженного" значения – нашествия в Италию племён диких ковалов и бубаев (IV,10). Похожая картина наблюдается при введении Павлом Диаконом совершенно неожиданного значения для знамения, авторский денотат которого, казалось бы, исчерпывающ: "звезда, возвестившая о комете" ("stella quam cometem dicunt") (IV,32). Новое значение – замечание по поводу последовавшего после знамения вторичного заключения мира короля Агилульфа с римлянами (ibid.). Следовательно, такие значения, и имея стилистические отличия от центрального значения знамения, возникают не путём перекодировки, а, действительно, с помощью своеобразного "отражения", становящегося на настоящем этапе исследования критерием выделения целого типа – "отражённых" значений знамений.

Безусловно, не все идеи, касающиеся методов антидеструктивного описания знамений, обретут в дальнейшем научную жизнь. Некоторые из них потребуют серьёзных изменений и примут новые логико-стилистические очертания. Стабильным пусть пребывает их положение в сетке формирующихся приёмов анализа предзнаменований в раннесредневековых летописях: положительное прочтение должно предшествовать критике знамений. От корректности же методологического глоссария зависит судьба вхождения нашей темы в проблематику современной медиавистики.

К сожалению, классический язык позитивизма не в силах справиться с довольно-таки трудоёмкой задачей перевода знаковых знамений в незнаковый текст. Тем временем, заимствованные у тартуских семиологов разноуровневые перекодировки, хоть и страдают известной долей абстрактности (21), но не перегружают информационные каналы взаимодействия историка и источников. Благодаря семиотическим штудиям, несколько прояснилась ситуация с применимостью к предзнаменованиям терминов "символ" и "знак". Очень немногие знамения имеют символическое происхождение, что, впрочем, далеко не бесспорно: знаковая энергетика предзнаменований довольно-таки слаба. Её явно недостаточно ни для построения иконического знака (мы не ориентируемся пока в состояниях эквивалентности знаков знамений), ни для приравнивания знамений к символам (знаки знамений крайне редко подвержены деструкции). Индексная знаковость лучше всего отражает сущность структуры предзнаменований. Предметом предстоящих наблюдений станет именно она, взятая в дискурсе интерпретации и сравнения проинтерпретированных значений знаков-означающих со смысловыми значениями авторских или привнесённых денотатов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Савукова В.Д. "История франков" как исторический памятник. // Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 332.
2. См.: Дворецкая И.А. Павел Варнефрид как историк и этнограф (К вопросу о влиянии позднеимской культуры на мировоззрение писателя). // Античный мир и археология. Межвузовск. науч. сб-к. Саратов, 1979. Вып. 4. С. 56-57.
3. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках преимущественно в Италии. Пг., 1915. С. 46.
4. Максеева И.И. Знамение в судьбе для человека в Древней Руси. // Понятие судьбы в контексте разных культур. / Научный совет по истории мировой культуры. М., I полугодие 1994. С. 181.
5. Григорий Турский. История франков. М., 1987. 461 с.

6. Pauli Diaconi. Historia gentis Langobardorum. // Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI-IX. Hannoverae, 1878. P. 12-187.
7. Ауэрбах Э. Мимесис: Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976. С. 104.
8. П.М. Бицилли, например, говорил: "Всё, что видит средневековый человек, он старается истолковать самому себе символически" (см.: Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 15.)
9. Такие выводы можно сделать из рассуждений А.Я. Гуревича. См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984. С. 108-123.
10. О вторичных моделирующих системах см.: Лотман Ю.М. О проблеме значений во вторичных моделирующих системах. // Учёные записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 181. труды по знаковым системам. II. Тарту, 1965. С. 22.
11. Об иконических знаках и символах см.: Мейзерский В.М. Проблема символического интерпретанта в семиотике текста. // Учёные записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 754. Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. XXI. Тарту, 1987. С. 4.
12. Имеется в виду невыясненная условность. См.: Лотман Ю.М. Заметки о художественном пространстве. // Учёные записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 720. Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам. XIX. Тарту., 1986. С. 28-29.
13. См.: Лотман Ю. М. О проблеме значений... С. 23.
14. Лотман Ю.М. Заметки... С. 28.
15. Он же. Там же.
16. Он же. О проблеме значений... С. 35.
17. Мейзерский В.М. Указ. соч. С. 8.
18. Лотман Ю.М. О проблеме значений... С. 35.
19. И.А. Дворецкая предпочитала говорить о "тенденциозной обработке народной традиции". См.: Дворецкая И.А. Указ. соч. С. 53.
20. Мейзерский В.М. Указ. соч. С. 4.
21. Лотман Ю.М. О проблеме значений... С. 36.

СВОБОДНАЯ ВОЛЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ РЕНЕССАНСА

Ренессанс был временем поиска идеалов, временем осознанного самосовершенствования. В отличие от античности, в отличие от средних веков, предпочтение отдавалось не телу и духу, но способностям управлять своим разумом. Идея свободы человеческого произволения падает на благодатную почву: сознание человека, стремящегося к идеалу. Проблема свободной воли с этой позиции становится ключевой проблемой истории итальянского Возрождения.

В литературе последних лет неоднократно предпринимались попытки "поснять итальянское Возрождение как способ мышления" (1), пересмотреть концепцию Ренессанса, самого парадоксального типа культурного процесса, и "приблизиться к пониманию теории проблемы Возрождения" (2).

Для построения теоретической модели Возрождения предлагается рассматривать культурный процесс через какое-либо понятие, являющееся ключевым: "варьета" (3) и "диалогичность мышления" (4), "полицентризм" (5) и "антропоцентризм" (6), "virtu" (7) и "стремление к пределу" (8).

На наш взгляд, более фундаментальным могло бы стать понятие "liberum arbitrium", которое сущностно предопределило все выше отмеченные категории ренессансной культуры. Между тем, пониманию гуманистами свободы человеческого произволения специального исследования не посвящалось.

К проблеме свободной воли гуманисты обращались в различных своих произведениях, посвященных теологическим вопросам и благородству, не связанному со знатностью рода, вопросам морали и достоинству человека. О важности проблемы свидетельствуют упоминания о ней во множестве писем.